

К. Я. ПАЖИТНОВЪ.

**Развитіе
соціалистическихъ идей
въ Россіи.**

Томъ I.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловіе 1

Глава I. 30-е и 40-е годы.

Появленіе соціалистическихъ идей въ Россіи. Кружокъ Герцена и Огарева; первые сень—симонисты и ихъ разногласія съ членами кружка Станкевича. Соціально-политическіе взгляды Бѣлинскаго въ концѣ 30-хъ годовъ, и ихъ дальнѣйшая эволюція. Петрашевскій и его „общество“. Успѣхъ фурьеристской пропаганды. „Карманный словарь иностранныхъ словъ“; первая попытка къ устройству фаланстера. Увлеченіе соціально-экономическими вопросами и пренебреженіе къ политикѣ. Вліяніе западныхъ утопистовъ; возникновеніе догмата объ особомъ пути развитія, какъ причина укрѣпленія аполитизма. Книга Гакстаузена о Россіи и ея вліяніе на радикальную интеллигенцію. Взгляды Гакстаузена на общину, артель, кустарную промышленность и крупное производство; ихъ ошибочность. 5

Глава II. 50-е годы.

Герцень; переломъ въ его взглядахъ послѣ пораженія революціи 1848 г. Обоснованіе взгляда на возможность особаго пути развитія для Россіи. Идеализація общины и артели. Консервативный характеръ „русскаго соціализма“. Политическія требованія. Программа *Колокола*. Вѣра Герцена въ мирный путь развитія и въ союзъ самодержавія съ народной партіей. Чернышевскій. Критическое отношеніе къ мессіализму Россіи. Взглядъ на экономическое развитіе страны. Отношеніе къ домашней промышленности и его непослѣдовательность. Эволюція взглядовъ Чернышевскаго на общину. Какой выводъ слѣдуетъ изъ „Критики философскихъ предубѣжденій противъ общины“? Незаконченность и противорѣчивость аргументаціи автора въ вопросѣ объ общинѣ. Политическіе взгляды Чернышевскаго; отношеніе къ конституціи и абсолютизму. Близость этихъ взглядовъ ко взглядамъ Герцена и общій ихъ утопическій характеръ. 39

Глава III. 60-е годы.

Переломъ въ настроеніи радикальной интеллигенціи. Появленіе первыхъ произведеній нелегальной литературы. Эволюція *Колокола*.—Воззваніе „Къ молодому поколѣнію“.— „Молодая Россія“; критика ея со стороны Герцена. „Великорусь“; возраженія со стороны Михайлова.—Воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“; его мѣсто въ ряду программъ и значеніе для оцѣнки погрома во взглядахъ Чернышевскаго. Былъ ли послѣдній родоначальникомъ западническаго направленія русской социалистической мысли? Усиленіе реакціи; учащаяся молодежь; какъ единственно оставшіяся очагъ революціоннаго броженія. „Земля и Воля“. „Организація“ и „Адъ“.—Общество „Гонима или народной расправы“; его программа и тактика въ связи съ позднѣйшими планами Нечаева.—Характеристика взглядовъ Герцена въ послѣдніе годы его жизни; паденіе авторитета его. Усиленіе интереса къ политикѣ; пропаганда въ пользу „Земскаго собора“.

76

Глава IV. 70-е годы.

Бакуининъ; общая характеристика. Взгляды Бакунина въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; близость ихъ ко взглядамъ Герцена. Эволюція въ сторону анархизма; новый взглядъ на государство и революцію. Критическое отношеніе къ политической свободѣ и общинѣ, вѣра въ разрушеніе и деклассированные элементы. Отрицаніе науки; проповѣдь бунтарства. Заговорщическій характеръ дѣятельности.—Лавровъ. „Историческія письма“. *Впередъ*. Подчиненіе политическаго элемента экономическому. Соціальныя перевороты въ Россіи подготавливаются развитіемъ капитализма. Отношеніе къ общинѣ и артели. Отрицаніе конституціи. Эволюція отъ анархизма къ государственности; нерѣшимость ея. Отношеніе *Впередъ* къ бакуининскому и марксистскому направленію въ „Интернаціоналѣ“. Подготовительное значеніе интеллигенціи. Общая характеристика Лаврова.—Программа русской вѣтви Интернаціонала.—Пропагандисты и бунтари.—Хожденіе „въ народъ“; его цѣли, характеръ и результаты.—Ткачевъ; его критика Лаврова и Бакунина. *Набатъ*—проповѣдь захвата власти въ качествѣ средства реализаціи соціальной революціи. „Земля и Воля“—какъ синтезъ взглядовъ пропагандистовъ и бунтарей; разложеніе ея подъ вліяніемъ перевѣса боевого настроенія.—„Народная Воля“ и торжество якобинства. Возвеличеніе политическаго момента и разрушеніе одного изъ основныхъ догматовъ стараго народничества.—„Черный передѣлъ“. „Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ“—и особенности его программы. Зарожденіе самостоятельнаго рабочаго движенія.—Общая характеристика движеній семидесятыхъ годовъ. Основная причина ихъ неудачъ.

113

Глава V. Народничество въ 80-е и 90-е годы.

Упадокъ настроенія среди передовой интеллигенціи и стремленіе къ пересмотру общественно-экономическихъ идей. Михайловскій; его вѣра въ рѣшающее значеніе разума при выборѣ пути развитія. Враждебное отношеніе къ экономическому прогрессу. Консервативный характеръ рабочаго вопроса въ Россіи. Политическіе взгляды Михайловскаго. Скептическое отношеніе къ возможности избѣжанія капиталистической стадіи. Попытка раставраціи стараго народничества, предпринятая В. В. Невозможность успѣшнаго развитія капитализма въ Россіи, вслѣдствіе отсутствія ви́шнихъ рынковъ. Упадокъ крупной промышленности. Благопріятыя перспективы для народнаго производства; подъемъ послѣдняго въ Россіи и на Западѣ. Книга Корсака о „формахъ промышленности“ и ея вліяніе на В. В. Отреченіе отъ политики и возвращеніе къ мысли о союзѣ между самодержавіемъ и интеллигенціей.— „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“ Николая—она. Капитализація земледѣльческихъ доходовъ и капитализація промысловъ, какъ основная причина разложенія общины. Отсутствіе благопріятныхъ шансовъ для капитализма. Необходимость всушенія на путь развитія исконныхъ народныхъ началъ.—Возраженія Ф. Энгельса. Письмо К. Маркса къ Н. Михайловскому и дальнѣйшее развитіе спора по вопросу объ особомъ пути развитія для Россіи

204

Глава VI. Возникновеніе марксизма; группа „Освобожденія Труда“.

Основаніе группы „Освобожденіе Труда“. Условія ея возникновенія и общая характеристика новаго направленія. „Соціализмъ и политическая борьба“ Плеханова. Полемика съ народолюбцами по вопросу о захватѣ власти. Обоснованіе необходимости самостоятельной рабочей партіи въ Россіи. Отношеніе къ крестьянскому движенію. „Наши разногласія“ Плеханова. Общія взгляды марксизма на ходъ экономическаго развитія Россіи и роль буржуазіи; отношеніе къ общинѣ. Остатки утопизма, унаслѣдованные отъ народничества: мысль о недолговѣчности капитализма въ Россіи и о возрожденіи общины при политическомъ переворотѣ. Проектъ соціалъ—демократической программы. Задачи интеллигенціи. Отношеніе къ террору.

246

ГЛАВА VI.

Возникновение марксизма; группа „Освобождение Труда“.

Неудача всѣхъ программъ и движеній семидесятыхъ годовъ и реакція, усилившаяся послѣ разгрома «Народной Воли», вызвали глубокое уныніе въ радикальныхъ кругахъ нашего общества. Этотъ разгромъ игралъ въ русской жизни приблизительно такую же роль, какую на Западѣ играло поражение революціи 1848 года. И какъ тамъ Л. Рейбо, излагая исторію социализма, выразилъ убѣжденіе, что «социализмъ умеръ, говорить о немъ—значитъ произнести надгробную рѣчь», такъ и русское правительство, добывая послѣдніе остатки революціонныхъ организацій, рассчитывало вѣроятно покончить съ ними навсегда.

Какъ говорится въ заключеніи официального отчета о ходѣ социалистическаго движенія въ Россіи*), «быть можетъ засіяетъ день, когда изъ всѣхъ государствъ и народовъ Европы одна Россія въ состояніи будетъ бросить громовое „Quos ego“ разрушительнымъ принципамъ социализма и революціи. ...Во всякомъ случаѣ русскій народъ можетъ видѣть въ своемъ будущемъ ясные, спокойные и счастливые горизонты, безъ боязни социальныхъ кризисовъ и переворотовъ».

Но и тамъ, и тутъ этотъ приговоръ оказался преждевременнымъ,—движеніе, которое казалось столь прочно похороненнымъ, скоро ожило и стало распространяться съ невиданной ранѣе силой.

Этотъ подъемъ является тѣсно связаннымъ у насъ съ возникновеніемъ новаго умственного теченія, извѣстнаго подъ именемъ *марксизма*.

*) Хроника социалистическаго движенія въ Россіи. 357 стр.—Авторомъ ея былъ генер. Шебеко, товарищъ министра вн. дѣлъ.

«Русскій социализмъ» насчитывалъ въ своихъ рядахъ не мало блестящихъ именъ, но нельзя отрицать, что воздвигнутое ихъ трудами зданіе, хотя и отличалось стройностью и своеобразіемъ стиля, не имѣло надлежащаго, прочно — углубленнаго фундамента, было слишкомъ легко и воздушно. Герценъ былъ великимъ мастеромъ слова и пользовался европейской извѣстностью, но слава эта покоилась всецѣло на талантѣ его, какъ публициста и обличителя. Имя Бакунина также было достаточно громко какъ въ Россіи, такъ и за-границей, но онъ былъ на своемъ мѣстѣ лишь въ качествѣ агитатора, научныя же познанія его не отличались глубиной и разносторонностью. Лавровъ обладалъ огромной эрудиціей и выдающимися способностями, но его главный интересъ сосредоточивался на философіи, въ области же социально-экономическихъ и политическихъ вопросовъ онъ былъ не самостоятельнымъ изслѣдователемъ, а эклектикомъ, построения котораго не удовлетворяли ни ту, ни другую сторону. Чернышевскій обладалъ всеми необходимыми данными для того, чтобы подвести теоретическій фундаментъ подъ развивавшееся въ Россіи демократическое движеніе, но дѣятельность его въ этомъ направленіи была насильственно прервана въ самомъ началѣ. Такимъ образомъ, выработка научно-реалистической программы оставалась не законченной. Теорія Маркса давала въ руки русскимъ социалистамъ и усовершенствованный методъ изслѣдованія, и основныя исходныя точки зрѣнія для выполнения этой работы. Въ этомъ заключалась причина ея широкаго и побѣдоноснаго распространенія въ Россіи съ восьмидесятыхъ годовъ. Имя Маркса и его взгляды были извѣстны въ Россіи и раньше. Его «Критика политической экономіи» обратила вниманіе на себя уже вскорѣ послѣ своего появленія. «Вашъ успѣхъ колоссаленъ среди мыслящихъ людей—писалъ Марксу въ 1860 г. русскій эмигрантъ Сазоновъ—и если вамъ пріятно будетъ узнать, какое впечатлѣніе произвели ваши доктрины въ Россіи, то я скажу вамъ, что въ началѣ этого года профессоръ ...читалъ въ Москвѣ публичный курсъ по политической экономіи, и первая лекція его была перифразомъ вашего послѣдняго труда». Самъ Сазоновъ уже раньше подпалъ подъ вліяніе Маркса и заявилъ себя его ученикомъ, но скорая смерть помѣшала ему принять участіе въ пропагандѣ марксизма.

Русскій переводъ «Капитала», появившійся весною 1872 г., былъ встрѣченъ критикою очень сочувственно и разошелся почти за одинъ годъ въ количествѣ 3000 экземпляровъ. Въ началѣ же семидесятыхъ годовъ Н. Зиберъ началъ популяризировать ученіе Маркса съ профессорской кафедрой—сначала въ своей книгѣ «Теорія стоимости и капитала Д. Рикардо» и въ университетскихъ лекціяхъ, а затѣмъ въ журнальныхъ статьяхъ. Женевскій журналъ *Народное Дѣло* и лавристы также охотно заявляли себя сторонниками или даже учениками Маркса. Однако въ отношеніи практическаго примѣненія новыхъ идей между первыми русскими марксистами существовали крупныя разногласія.

Будучи ярымъ марксистомъ, проф. Зиберъ въ то же время рѣшительно отвергалъ примѣненіе воззрѣній основателя научнаго социализма на практикѣ. По его мнѣнію, капиталистическій процессъ самъ собой, безъ посторонняго воздѣйствія, долженъ прійти къ гибели и замѣнѣ существующаго строя коллективистскимъ. Поэтому онъ не придавалъ значенія ни классовой борьбѣ пролетаріата вообще, ни дѣятельности рабочихъ партій въ частности. Къ попыткамъ же нашей передовой молодежи «распропагандировать народъ» Зиберъ относился — по свидѣтельству Дейча — болѣе чѣмъ отрицательно. Но и для тѣхъ, кому необходимость практической борьбы представлялась несомнѣнной, особенности марксистскаго способа мышленія оставались незамѣченными. Какъ сторонники *Народнаго Дѣла*, такъ и большая часть лавристовъ просто на просто переносили на крестьянство все то, что на Западѣ относилось къ пролетаріату: вполне естественно поэтому, что такой упрощенный методъ не могъ вывести ихъ за предѣлы тѣхъ рѣшеній, которыя уже были найдены бакунистами и народниками.

Нѣкоторые же изъ первыхъ марксистовъ шли еще дальше и возлагали свои надежды на религіозно преслѣдуемую часть народа. Сюда относится напр. Ив. Фесенко, который обладалъ большою начитанностью, пользовался значительнымъ вліяніемъ и основалъ въ Кіевѣ свой особый кружокъ. Будучи самъ выходцемъ изъ деревни и хорошо зная ея забитость и темноту, онъ считалъ явной нелѣпностью теорію Бакунина о повсемѣстной готовности русскаго мужика къ революціи; нужно было поэтому искать союзниковъ въ другомъ мѣстѣ. Главная его мысль была та, что «при умѣннн подойти къ сектантамъ мож-

но было бы перевести присущий имъ чрезмѣрный интересъ къ релігіознымъ вопросамъ на почву социализма.—Такъ какъ сектантовъ въ Россіи считалось около двѣнадцати милліоновъ, то успѣхъ нашей пропаганды среди нихъ, по мнѣнію этого марксиста, въ значительной мѣрѣ приблизилъ бы насъ къ побѣдѣ. До своей встрѣчи съ Фесенко—разсказываетъ Дейчъ—я пытался завязать сношенія съ рабочими и вести среди нихъ пропаганду. Сопедашивъ съ этимъ марксистомъ, я долженъ былъ отказаться отъ всякихъ такихъ намѣреній. Будучи въ теоріи послѣдователемъ Маркса, Фесенко на практикѣ отдавалъ сектантамъ преимущество передъ фабричными и заводскими рабочими. Причиной такой его непослѣдовательности было то, что ояъ, при всемъ отрицательномъ своемъ отношеніи ко взглядамъ Лаврова и Бакунина, въ концѣ концовъ все же подчинялся господствовавшему тогда въ Россіи мнѣнію, что преобладающую роль въ долженствовавшей будто бы вскорѣ произойти революціи будутъ играть не рабочіе, а крестьяне. Рабочихъ же тогда одни считали слоемъ, въ значительно степени «испорченнымъ городской жизнью», а другіе не придавали имъ самостоятельнаго значенія, въ виду незначительнаго тогда количества ихъ въ Россіи, въ лучшемъ случаѣ допуская, что рабочіе могутъ служить связующимъ звеномъ между интеллигенціей и крестьянами для распространенія среди послѣднихъ социалистическихъ идей. Въ этомъ отношеніи Фесенко не составлялъ исключенія: знакомство съ «Капиталомъ» не имѣло рѣшительно никакого вліянія на сдѣланный имъ выборъ плана практической дѣятельности*).

Въ качествѣ самостоятельнаго и при томъ рѣзко враждебнаго народничеству теченія русскій марксизмъ сталъ выдѣляться лишь съ начала восьмидесятыхъ годовъ, когда пораженіе народовольческаго движенія особенно остро выдвинуло вопросъ о томъ, куда итти.

Въ 1883 г. пять русскихъ эмигрантовъ основали въ Швейцаріи группу, которая уже однимъ своимъ названіемъ—Освобожденіе Труда — рѣзко выдѣлялась изъ предшествовавшихъ,

*) Л. Дейчъ—Какъ мы въ народъ ходили. *Вѣстникъ Герольдъ* № 10 за 1910 г.; его же—Одинъ изъ первыхъ нашихъ марксистовъ. *В. Герольдъ* № 12 за 1911 г.—Впрочемъ послѣ неудачи своей первой попытки вести пропаганду среди сектантовъ Фесенко болѣе уже не собирался итти въ народъ, а принялся за занятія съ рабочими, что болѣе соответствовало его взглядамъ.

течений, ставивших во главу угла земельный вопрос. Организаторомъ ея былъ Левъ Дейчъ, а главнымъ теоретикомъ — Г. Плехановъ, бывший раньше однимъ изъ редакторовъ *Земли и Воли* и *Чернаго Передѣла*; кромѣ нихъ въ составъ группы входили П. Аксельродъ, В. Засуличъ, и В. Игнатовъ. Въ этомъ же году члены группы выпустили объявленіе объ изданіи Библиотеки Современнаго социализма, въ которомъ — подѣ влияніемъ болѣе близкаго знакомства съ формами западно-европейскаго рабочаго движенія и болѣе тщательнаго изученія трудовъ основателей научнаго социализма Маркса и Энгельса — отказывались отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и разрывали со старыми традиціями «русскаго социализма». Какъ показалъ опытъ, несмотря на существованіе общины и артелей социалистическія идеи плохо прививались въ Россіи, и на этой почвѣ не удалось создать мощнаго народнаго движенія. Были подвиги со стороны отдельныхъ лицъ, были героическія усилія интеллигенціи разбудить народъ во имя социальнаго переворота, была масса драматическихъ моментовъ, свидѣтельствующихъ о поразительномъ самоотверженіи, величій и энергіи революціонеровъ, были организаторы и вожди, но арміи для нихъ, стихійнаго выступленія народныхъ силъ — не было. Тяжелый туманъ реакціи окутываетъ всю русскую жизнь. Въ это именно время складывается новое направленіе, острымъ клиномъ врѣзавшееся въ господствовавшее тогда міросозерцаніе. Среди удушливой атмосферы 80-хъ годовъ, на далекой чужбинѣ, зарождалась русская социаль-демократія; двадцать лѣтъ спустя ей уже суждено было сыграть рѣшающую роль въ томъ переворотѣ, который по своему влиянію на дальнѣйшій ходъ развитія страны принадлежитъ къ числу величайшихъ въ исторіи Россіи. Намъ и предстоитъ теперь отмѣтить главнѣйшіе этапы на этомъ пути ея послѣдовательнаго развитія.

Народниковъ разныхъ видовъ и разновидностей объединяла одна общая мысль: это убѣжденіе, что для Россіи не обязателенъ путь развитія, проходимый Западной Европой. Минуя капиталистическую стадію, она можетъ достигнуть прямымъ путемъ царства социализма, развивая тѣ начала, которыя на Западѣ давно пришли въ ветхость, но которыя у насъ сохраняютъ полную силу и значеніе: общину и артель. Не пролетариатъ, но крестьянство — надежда Россіи. Противъ этого и выступило прежде всего новое направленіе со своей критической работой.

Путь развитія для насъ одинъ и тотъ же: это путь съ Востока на Западъ. Не въ сохраненіи остатковъ натуральнаго строя, патриархальныхъ отношеній, а въ развитіи капитализма лежитъ залогъ освободительнаго движенія. Капитализмъ неизбеженъ въ Россіи; да онъ уже развивается быстрыми шагами въ ея вѣдрахъ и только поверхностный или ослѣпленный предубѣжденіями взглядъ не замѣчаетъ этого процесса. Вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ наростаеъ та новая сила, которой предстоитъ стать во главѣ движенія. Пролетарій и мужичекъ—это настоящіе политическіе антиподы.

Историческая роль пролетаріата настолько же революціонна, насколько консервативна роль «мужичка». На мужичкѣ цѣлыя тысячелѣтія непоколебимо держались восточныя деспотіи, а пролетаріатъ въ сравнительно очень короткое время распаталъ «основы» западно-европейскаго общества. Въ Россіи же его развитіе и политическое воспитаніе идетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ у сказочнаго богатыря. Въ какія-нибудь 10—12 лѣтъ онъ измѣнился до неузнаваемости. Русскій пролетаріатъ особенно окрѣпъ и развился въ царствованіе Александра III, т. е. въ эпоху самой свирѣпой реакціи и самаго безотраднaго застоя, въ такую эпоху, когда интеллигенція безнадежно опу- скала руки, теряла вѣру въ себя и свои идеалы...

Такова въ общихъ чертахъ сущность того міросозерцанія, которое новое направленіе противопоставило народничеству и которое было развито въ произведеніяхъ Плеханова.

Наиболѣе жгучимъ вопросомъ для русскихъ социалистовъ того времени являлся вопросъ объ отношеніи къ политикѣ, и ему была посвящена первая, изданная группой Освобожденія Труда, брошюра—«Соціализмъ и политическая борьба», вышедшая осенью 1883 г. Разъясняя здѣсь основныя положенія научнаго социализма, авторъ критикуеъ попутно анархическія идеи Бакунина и Прудона, проповѣдовавшихъ отрицаніе государства и политической борьбы. Когда землевольцы порицали «Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» за то, что выставилъ въ своей программѣ политическія требованія—это было съ ихъ стороны несомнѣнной ошибкой. Ту же ошибку повторило «Зерно», которое рекомендовало рабочимъ вести борьбу на экономической почвѣ, добиваться сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы, даже убивая шпионовъ или особенно нелюбимыхъ

мастеровъ и т. д., но ничего не говорило о политическихъ задачахъ русскихъ рабочихъ. «Это отсутствіе синтеза въ революціонныхъ взглядахъ и программахъ нашихъ социалистовъ не могло не оказать самаго вреднаго вліянія на результаты ихъ дѣятельности. Охраняя политическій индифферентизмъ, какъ важнѣйшій признакъ радикализма ихъ экономическихъ требованій, мы тѣмъ самымъ оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кромѣ того, обрывая наши программы именно на томъ пунктѣ, гдѣ нужно было подвести итогъ социальнымъ требованіямъ рабочаго класса, мы уменьшали практическое значеніе этихъ программъ въ глазахъ рабочихъ, лучше насъ понимавшихъ, до какой степени безплодна разрозненная борьба противъ отдѣльныхъ эксплуататоровъ. Къ счастью, наше рабочее движеніе очень рано переросло эту первую фазу своего развитія. Отвѣтъ «Сѣверно-русскаго Рабочаго Союза» редакціи *Земли и Воли* показалъ, что по крайней мѣрѣ члены этого союза раньше нашей интеллигенціи поняли всю неумѣстность «политическаго невмѣшательства» рабочаго класса» (41 стр.). Признаніе политики со стороны «Народной Воли» было началомъ поворота на правильный путь, но оно не было свободнымъ отъ многихъ иллюзій, мѣшавшихъ успѣху дѣла. Партія Н. В.—дитя переходнаго времени. «Ея программа есть послѣдняя программа, родившаяся при тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлали нашу односторонность неизбежнымъ и потому законнымъ явленіемъ. Расширяя политическій горизонтъ русскихъ социалистовъ, программа эта сама не свободна еще отъ односторонности. Въ ней также замѣтно отсутствіе политическаго глазомѣра, способности сообразовать ближайшія цѣли партіи съ ея дѣйствительными или возможными силами. Партія Народной Воли напоминаетъ чело-вѣка, идущаго по настоящей дорогѣ, но еще не имѣющаго понятія о разстояніяхъ и потому увѣреннаго въ томъ, что онъ тотчасъ же можетъ «верстъ сто тысячъ отмахать и нигдѣ не отдыхать». Практика разрушить, разумѣется, его иллюзію, но это разрушеніе можетъ стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежатъ ли семимильные сапоги къ области фантазіи. Подъ хожденіемъ семимильными сапогами мы разумѣемъ... фантастическій элементъ въ интересующей насъ программѣ, который во второмъ № Н. В. выразился въ увѣренности относительно социальнаго-революціоннаго большинства въ

будущемъ русскомъ учредительномъ Собраніи *). и въ № 8—9 проявилъ себя въ разсужденіяхъ о «захватѣ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ». Мы глубоко убѣждены, что этотъ фантастическій элементъ въ высшей степени вреденъ для самой партіи Народной Воли. Какъ партіи социалистической, онъ вреденъ ей тѣмъ, что отвлекаетъ ее отъ непосредственныхъ задачъ въ средѣ рабочаго класса въ Россіи; какъ партіи, взявшей на себя инициативу нашего освободительнаго движенія,—онъ вреденъ ей тѣмъ, что всегда будетъ отталкивать отъ нея много средствъ и силъ, которыя могли бы, при другихъ условіяхъ, притекать къ ней изъ среды такъ называемаго общества» (56—57). Дѣйствительно въ своей подготовительной дѣятельности народовольцы большія надежды возлагали на поддержку либеральной части общества, затѣмъ офицерства и наконецъ на сочувствіе Европы. Но если это такъ, то какой смыслъ пугать ихъ социальной революціей? «Развѣ экономическій переворотъ входитъ въ интересы русскаго либерализма? Развѣ наше либеральное общество сочувствуетъ аграрной революціи, которой по словамъ *Народной Воли* будутъ добиваться крестьянскіе депутаты? Западно-европейская исторія говоритъ намъ весьма убѣдительно, что тамъ, гдѣ «красный призракъ» принималъ хоть сколько-нибудь грозныя формы, либералы готовы были искать защиты въ объятіяхъ самой безцеремонной военной диктатуры. Думалъ ли террористическій органъ, что наши русскіе либералы составятъ исключеніе изъ этого общаго правила? Если такъ, то на чемъ основывалъ онъ свое убѣжденіе. Думалъ ли онъ также, что современное «общественное мнѣніе Европы» до такой степени проникнуто социалистическими идеями, что будетъ сочувствовать созыву социальнореволюціоннаго Учредительнаго Собранія? Или онъ думалъ, что тенеца краснаго призрака у себя дома, европейская буржуазія будетъ аплодировать появленію его въ Россіи? Само собой разумѣется, что ничего подобнаго онъ не думалъ и ничего подобнаго не забывалъ. Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было дѣлать это рискованное заявленіе?» По мнѣнію автора, оно должно было примирить правовѣрныхъ народниковъ съ уклоненіемъ въ

*) Вотъ подлинное выраженіе—«90% депутатовъ отъ крестьянъ и, если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью—отъ партіи».

сторону политики. «Эта увѣренность (въ социалистическомъ большинствѣ будущаго учредительнаго собранія) была не болѣе какъ фикціей, придуманной для соглашенія несогласимыхъ между собою элементовъ народовольческой программы»... Далѣе Плехановъ подвергаетъ рѣшительному осужденію мысль о захватѣ власти, который долженъ былъ бы доставить партіи возможность совершить экономическій переворотъ... «Мы не принадлежимъ къ числу принципиальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собой послѣдній и притомъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Достижній политическаго господства революціонный классъ только тогда и сохранить за собой это господство, только тогда и будетъ въ сравнительной безопасности отъ ударовъ реакціи, когда онъ направитъ противъ нея могучее орудіе государственной власти. Den Teufel halte, wer ihn hält! говоритъ Фаустъ. Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, далека отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ. Это въ особенности можно сказать о диктатурѣ рабочаго класса, задачей котораго является въ настоящее время не только разрушеніе политическаго господства непродуцируемыхъ классовъ общества, но и устраненіе существующей нынѣ анархіи производства, сознательная организація всѣхъ функций социально-экономической жизни. Одно пониманіе этой задачи предполагаетъ развитой рабочей классъ, обладающій политическимъ опытомъ и воспитаніемъ, освободившійся отъ буржуазныхъ предрассудковъ и умѣющій самостоятельно обсуждать свое положеніе. Рѣшеніе же ея предполагаетъ, кромѣ всего сказаннаго, еще и распространеніе социалистическихъ идей въ средѣ пролетаріата, сознаніе имъ своей силы и увѣренность въ побѣдѣ. Но такой пролетаріатъ и не позволитъ захватить власть даже самымъ искреннимъ благодетелямъ. Не позволитъ по той простой причинѣ, что онъ проходитъ школу своего политическаго воспитанія съ твердымъ намѣреніемъ окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельнымъ дѣятелемъ на арену исторической жизни, а не переходить вѣчно отъ одного опекуна къ другому; не позволитъ потому, что такая опека была бы излишней, такъ какъ онъ и самъ могъ бы тогда рѣшить задачу социалисти-

ческой революціи; не позволить, наконецъ, потому, что такая опека была бы вредной, такъ какъ сознательнаго участія производителей не замѣнитъ никакая конспиративная сноровка, никакая отвага и самоотверженіе заговорщиковъ. ...До тѣхъ же поръ, пока рабочій классъ не развился еще до рѣшенія своей великой исторической задачи, обязанность его сторонниковъ заключается въ ускореніи процесса его развитія, въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ росту его силы и сознанія, а не въ придумываніи социальныхъ экспериментовъ и висекцій, исходъ которыхъ всегда болѣе чѣмъ сомнителенъ. Такъ понимаемъ мы вопросъ о захватѣ власти въ социалистической революціи. Примѣняя эту точку зрѣнія къ русской дѣйствительности, мы должны сознаться, что отнюдь не вѣримъ въ близкую возможность социалистическаго правительства въ Россіи» (61—63 с.).

Но будучи по существу своему совершенно утопической — ибо народовольцы не вѣрили въ возможность сознательнаго и организованнаго выступленія ни со стороны крестьянства, ни со стороны рабочаго класса — мысль о захватѣ власти въ руки социалистовъ естественно должна была лишь отталкивать какъ русскихъ либераловъ, такъ и буржуазную Европу отъ всякаго сближенія съ подобнымъ революціоннымъ движеніемъ. «Какъ ни забито, какъ ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохраненія и ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ добровольно на встрѣчу «красному призраку»; указывать ему на такую постановку задачъ партіи — значить лишать себя его поддержки и рассчитывать лишь на свои собственныя силы. — ...Въ виду всего сказаннаго, мы думаемъ, что единственною не фантастическою цѣлью русскихъ социалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій съ одной стороны и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей социалистической партіи* Россіи — съ другой. Они должны выставить требованіе демократической конституціи, которая вмѣстѣ съ «правами человека» обезпечила бы рабочимъ «права гражданина» и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность активнаго участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока «краснымъ призракомъ», такая политическая программа вызвала бы къ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ систематическимъ

протівникамъ демократіи; вмѣстѣ съ социалистами подѣ ней могли бы подписаться очень многіе представители нашего либерализма. ...Связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и социалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества—*значитъ отдалять наступленіе и того, и другого*. Но отъ насъ зависитъ *сблизить* эти два момента» *).

Какъ выше уже было отмѣчено нами въ первой главѣ, мысль о томъ, что укрѣпленіе началъ политической свободы въ Россіи находится въ зависимости отъ развитія у насъ буржуазіи, была высказана еще Бѣлинскимъ. Къ той же мысли, но гораздо позже, пришелъ затѣмъ и Чернышевскій. «Будемъ теперь глядѣть на купца—говорилъ онъ въ срединѣ 80-хъ годовъ.—Когда купецъ не только тарифовъ, но и правъ потребуеть, и не съ благодарностью за прошлое, а грозя будущимъ, тогда наступитъ конецъ старымъ порядкамъ» **).

Эта мысль была, конечно, совершенно не народнической, ибо народники или вообще не допускали возможности появленія сильной буржуазіи въ Россіи, или смотрѣли на конституцію, исходящую отъ либераловъ, какъ на новое ярмо, накладываемое на шею народа. Но она не была—употребляя позднѣйшій терминъ — и социаль-демократической, ибо оставалась слишкомъ неразвитой и туманной, и въ отношеніи къ вопросу объ организаціи рабочаго класса въ самостоятельную партію изъ этой мысли можно сдѣлать два совершенно противоположныхъ вывода. А именно, можно было во первыхъ вести разсужденіе далѣе слѣдующимъ образомъ: такъ какъ Россія вступила на путь капиталистическаго развитія и у насъ неизбежно образованіе буржуазіи, которая и должна завоевать политическую свободу, то рабочему классу нѣтъ надобности пока тратить свои силы на организацію самостоятельной партіи; таковъ былъ ходъ мыслей

*) Социализмъ и политическая борьба, изд. „*Пролетаріатъ*“ 1906 г.— 61, 68—69, 72—73 стр.

**) *Русское Вѣдѣніе* № 3 за 1905 г.—Даже Герценъ со свойственной ему непоследовательностью склонялся иногда къ подобному же выводу. Такъ въ письмѣ изъ Неаполя, относящемся къ осени 1863 г., мы встрѣчаемъ слѣдующія характерныя строки: «Глядя на то, какъ адѣсь при отсутствіи сильной буржуазіи столычная чернь остается лаццарони, по неволѣ приходитъ въ голову, что народъ, по тяжелому закону selection, только и поднимается черезъ буржуазію къ болѣе развитой жизни».

значительной части впередовцевъ въ семидесятыхъ годахъ, такъ разсуждали затѣмъ въ девяностыхъ годахъ представители такъ наз. экономическаго направленія и авторы *Credo*. Но можно было также аргументировать иначе и, выводя необходимость образованія у насъ самостоятельной рабочей партіи изъ общихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ современнымъ рабочимъ движеніемъ, фактъ заинтересованности буржуазіи въ измѣненіи государственнаго строя въ Россіи класть лишь въ основу соображеній о тактикѣ партіи, заключая изъ него о возможности и желательности соглашеній и совмѣстныхъ дѣйствій съ либеральными элементами страны; эту точку зрѣнія въ законченномъ видѣ развила впервые группа Освобожденія Труда.

Другой очередной проблемой былъ вопросъ объ отношеніи къ крестьянскому движенію. «Годы пребывания за-границей и внимательнаго изученія соціального вопроса убѣдили меня, что торжество стихійнаго народнаго движенія въ родѣ бунта Ст. Разина или крестьянскихъ войнъ въ Германіи не можетъ удовлетворить соціально-политическихъ нуждъ современной Россіи, что старыя формы нашей народной жизни носили въ самихъ себѣ много зародышей своего разложенія и что онѣ не могутъ «развиться въ высшую коммунистическую форму» безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной *рабочей* соціалистической партіи», — такъ говорится въ предисловіи къ брошюрѣ *Соціализмъ и политическая борьба*, а въ концѣ ея авторъ снова возвращается къ тому же вопросу. «Мы не держимся того взгляда, — скорѣе навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существующаго въ дѣйствительности, — по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма. Мы думаемъ, что въ общемъ русское крестьянство отнеслось бы съ большою симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую «націонализацію земли». При возможности сколько-нибудь свободной агитаціи въ его средѣ оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ соціалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, внести требованіе такого рода мѣрѣ въ свою программу. Но мы не преувеливаемъ силу нашихъ соціалистовъ и не игнорируемъ тѣхъ препятствій, того сопротивленія среды, съ которыми имъ неизбѣжно придется считаться въ своей дѣятельно-

сти. Поэтому, и *только поэтому*, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ на первое время сосредоточить главное свое вниманіе на промышленныхъ центрахъ. Современное сельское населеніе, живущее при отсталыхъ социальныхъ условіяхъ, не только менѣе промышленныхъ рабочихъ способно къ сознательной политической *инициативѣ*, но и менѣе ихъ *восприимчиво* къ движенію, начатому нашей революціонной интеллигенціи. Ему труднѣе усвоить социалистическія ученія, потому что условія его жизни слишкомъ непохожи на условія, породившія эти ученія. Къ тому же крестьянство переживаетъ теперь тяжелый, критическій періодъ. Прежніе «старо-дѣдовскіе устои» его хозяйства рушатся, «сама несчастная община дискредитируется въ его глазахъ», по признанію даже такихъ «стародѣдовски» народническихъ органовъ, какъ *Недѣля*, новыя же формы труда и жизни еще только складываются, и этотъ созидательный процессъ обнаруживаетъ наибольшую интенсивность именно въ промышленныхъ центрахъ. Какъ вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образуетъ въ другихъ мѣстахъ новые осадки и отложенія, такъ процессъ русскаго социального развитія образуетъ новыя общественныя формации, разрушая вѣковыя формы отношенія крестьянъ къ землѣ и другъ къ другу. Эти новыя общественныя формации носятъ въ себѣ зародыши новаго общественного движенія, которое одно только и можетъ положить конецъ эксплоатаціи трудящагся населенія Россіи. Промышленные рабочіе, обладающіе большимъ развитіемъ, болѣе высокими потребностями и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ крестьянство, примкнуть къ нашей революціонной интеллигенціи въ ея *борьбѣ* съ абсолютизмомъ и затѣмъ, добившись политической свободы, организуются въ рабочую социалистическую партію, которая и должна будетъ начать систематическую пропаганду социализма въ средѣ крестьянства. Говоримъ о *систематической пропагандѣ* потому, что отдѣльные случаи пропаганды и агитаціи въ крестьянствѣ, конечно, не должны быть упускаемы и въ настоящее время. Едва ли нужно прибавлять, что наши социалисты должны были бы измѣнить распредѣленіе своихъ силъ въ народѣ, если бы въ средѣ крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движеніе». Точно также въ первомъ проектѣ программы русскихъ социаль-демократовъ, составленномъ въ 1884 г., указывается, что группа «Освобожденія Труда» *ни мало не игнорируетъ* крестьянства, составляющаго огромный

шую часть трудящегося населения Россіи, но только при современныхъ условіяхъ соціально-политической борьбы работа интеллигенціи должна быть направлена на болѣе развитой слой, именно—на промышленныхъ рабочихъ. Лишь черезъ нихъ, заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенція можетъ съ гораздо болѣею, чѣмъ до сихъ поръ, надеждой на успѣхъ распространить свое воздѣйствіе и на крестьянство. Само собой, впрочемъ, разумѣется, что распредѣленіе силъ нашихъ социалистовъ должно будетъ измѣниться, если въ крестьянствѣ обнаружится самостоятельное революціонное движеніе. Но во второмъ, окончательномъ проектѣ, относящемся къ слѣдующему году, эта послѣдняя фраза была уже выкинута и замѣнена другой, гораздо болѣе сдержанной. «Само собой, впрочемъ, разумѣется—говорится здѣсь въ примѣчаніи—что въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію въ Россіи. Соціалъ-демократы не только не оттолкнутъ отъ себя такихъ людей, но приложатъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и приѣмахъ своей дѣятельности». Какъ видитъ читатель, здѣсь уже не высказывается надежды на возможность самостоятельнаго и сильнаго крестьянскаго движенія въ Россіи, но самая необходимость и важность работы въ деревнѣ вполне признается. Въ книгѣ «Наши разногласія», вышедшей въ 1884 г., Плехановъ подробнѣе развиваетъ свой взглядъ на эту сторону дѣла. Начиная съ конца семидесятыхъ годовъ, т. е. съ времени раздѣленія общества «Земля и Воля»—говорится тамъ—революціонная дѣятельность въ крестьянской средѣ не только не расширялась, но суживалась все болѣе и болѣе. Въ настоящее время ее безъ большой ошибки можно приравнять къ нулю. А между тѣмъ за все это время не было недостатка въ людяхъ, полагающихъ, что центръ тяжести всего нашего революціоннаго движенія немедленно долженъ быть перенесенъ въ крестьянскую ереду. Откуда это противорѣчіе? Несправедливо было бы подозрѣвать народниковъ въ бездѣятельности, трусости и нерѣшительности. Остается думать, что они постановили себѣ задачу, неисполнимую при настоящихъ условіяхъ, что не съ крестьянства должна начинаться наше интеллигенціи свое революціонное сліяніе съ народомъ. И мы дѣйствительно такъ

думаемъ. Связующимъ звеномъ между нею и крестьянствомъ должны послужить силы нарождающагося пролетаріата; онѣ и только онѣ могутъ заполнить историческую пропасть, отдѣляющую «народъ» отъ «образованной» части общества. Черезъ нихъ и съ ихъ помощью социалистическая пропаганда проникнетъ во всѣ закоулки деревенской Россіи. Пока у насъ нѣтъ рабочей партіи, выступающіе въ городахъ революціонеры по неволѣ обращаются «къ обществу», такъ что фактически они являются сто революціонными представителями. Народъ отодвигается на задній планъ, а этимъ не только замедляется установленіе связи между нимъ и интеллигенціей, но нарушается и существовавшая прежде связь между «сельскими» и «городскими» революціонерами изъ самой интеллигенціи. Отсюда—взаимное непониманіе, разногласія, расхожденія. «Не то было бы, если бы политическая борьба въ городахъ приняла главнымъ образомъ рабочей характеръ. Тогда городскіе и сельскіе революціонеры различались бы между собой лишь по *мѣсту*, а вовсе не по *сущности* своей дѣятельности, и тѣ, и другіе были бы представителями *народнаго* движенія въ различныхъ его видахъ»... Революціонныя силы тогда распредѣлялись бы слѣдующимъ, весьма простымъ способомъ: «въ деревню пойдутъ всѣ тѣ, кого вынуждаютъ къ этому профессиональныя обязанности. Само собой разумѣется, что такихъ будетъ не мало. Въ то же время люди, имѣющіе возможность поселиться въ городахъ или промышленныхъ центрахъ, направятъ свои усилія на рабочую среду и постараются сдѣлать изъ нея авангардъ русской социаль-демократической арміи. Такова наша программа. Она не жертвуетъ деревней въ интересахъ города, не игнорируетъ крестьянства ради промышленныхъ рабочихъ. Она ставитъ своей задачей организацію социально-революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемірно-историческаго движенія»^{*}). Но такъ какъ деревня по прежнему пребывала въ состояніи подавленности и какого-то оцѣпенѣнія, а народничество—съ другой стороны, продолжало занимать непримиримую позицію, ст-талкивая протянутую социаль-демократами руку, то новое направленіе естественно стало все болѣе и болѣе подчеркивать свой пролетарскій характеръ, и выбранный делегатомъ на международную социалистическую конгрессъ въ Парижѣ (1889 г.) Плехановъ рѣшительно и безъ всякихъ оговорокъ заявилъ, что

^{*}) Цит. по 2 изд. 1906 г. 304—305 стр.

«задача нашей революціонной интеллигенціи сводится, по мнѣнію русскихъ социаль-демократовъ, къ слѣдующему: она должна усвоить взгляды современнаго научнаго социализма, распространить ихъ въ рабочей средѣ и съ помощью рабочихъ приступомъ взять твердыню самодержавія. *Революціонное движеніе въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ революціонное движеніе рабочихъ.* Другого выхода у насъ нѣтъ и быть не можетъ»...

Общій взглядъ сторонниковъ марксистскаго направленія на ходъ экономическаго развитія, т. е. главнымъ образомъ на судьбы капитализма въ Россіи, былъ развитъ впервые наиболѣе подробно Плехановымъ въ упомянутой уже нами книгѣ «Наши разногласія», посвященной специально полемикѣ съ возродившимся народовольческимъ теченіемъ въ лицѣ незадолго основаннаго передъ тѣмъ за-границей журнала *Вѣстникъ Народной Воли*. Возражая Тихомірову на его утвержденіе о хилости и безнадежности русскаго капитализма, авторъ изъ анализа того матеріала, который въ большомъ количествѣ накопился уже въ литературѣ, выводитъ совершенно противоположное заключеніе. «Ясно, внятно, убѣдительно говорятъ цифры, что—по крайней мѣрѣ по отношенію къ промышленности обрабатывающей намъ пора уже перестать закрывать глаза передъ дѣйствительностью, пора уже убѣдиться, что дѣйствительность эта имѣетъ очень мало общаго съ тѣми наивными иллюзіями, которыя характеризовали народническій періодъ нашего движенія. Пора имѣть мужество сказать себѣ, что въ названной сферѣ не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежитъ у насъ капитализму» (153 с.). Конечно, указанія на медленный—сравнительно съ Западомъ—ходъ его развитія имѣютъ подъ собой почву, но «не обусловливается ли «тугое развитіе» русскаго капитализма вліяніемъ современнаго политическаго гнета? Что свободныя учрежденія составляютъ необходимое условіе капитализма на извѣстной стадіи его развитія—это давно уже извѣстно каждому какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи, гдѣ еще въ пятидесятыхъ годахъ раздавались голоса, требовавшіе свободы ради успѣховъ промышленности. Г. Тихоміровъ могъ бы съ большою для себя пользой прочесть рѣчь покойнаго И. Бабста «о нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала», произнесенную въ іюнѣ 1856 г., въ торжественномъ собраніи казанскаго университета. Эта рѣчь по-

могла бы ему понять, какимъ образомъ тотъ же самый капитализмъ, который прячется сначала подъ «мантіей самодержца», приходитъ мало по малу въ противорѣчіе съ интересами абсолютной монархіи и начинаетъ фрондировать, разумѣется, по своему, умѣренно и аккуратно. «Трудно себѣ представить, до какой степени дурная администрація, отсутствіе безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурныя учрежденія дѣйствуютъ губительно на бережливость, накопленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на умноженіе народнаго капитала—говорить названный экономистъ. Междоусобныя войны, борьба политическихъ партій, нашествія, морь, голодъ не могутъ имѣть того губительнаго вліянія на народное богатство, какъ деспотическое и произвольное управленіе. ...Капиталы и накопленіе ихъ только тогда исполняютъ свое настоящее назначеніе, когда открыта полная и свободная стезя для ихъ дѣятельности». ...Что интересы русской буржуазіи приходятъ теперь въ непримиримое противорѣчіе съ интересами абсолютизма—это знаетъ всякій, слѣдившій хоть съ нѣкоторымъ вниманіемъ за ходомъ русской жизни въ послѣднее десятилѣтіе. ...Наша буржуазія переживаетъ теперь важную метаморфозу: у нея развились легкія, которыя требуютъ уже чистаго воздуха политическаго самоуправленія, но въ то же время у нея не атрофировались еще и жабры, съ помощью которыхъ она продолжаетъ дышать въ мутной водѣ разлагающагося абсолютизма. Корни ея сидятъ еще въ почвѣ стараго режима, но верхушка ея достигла уже развитія, указывающаго на необходимость и неизбѣжность пересадки» (116—117, 120—121 стр.). Мнѣніе о невозможности развитія капитализма въ Россіи вслѣдствіе отсутствія внѣшнихъ рынковъ опровергалось въ свою очередь указаніемъ на важное значеніе и цѣнокіе размѣры нашего внутренняго рынка и на неправильное истолкованіе фактовъ изъ исторіи Запада. Сначала Англія одна господствовала на международномъ рынкѣ, потомъ конкурентами выступили Франція и Германія, затѣмъ Америка и т. д. «В. В. думаетъ—писалъ нѣсколько позже Плехановъ—что разъ добившись господства на всемірномъ рынкѣ болѣе развитія въ промышленномъ отношеніи страны окончательно закрываютъ доступъ къ нему менѣ развитымъ странамъ и тѣмъ толкаютъ эти послѣднія на путь соціальной реформы, каковая реформа и должна быть предпринята будто бы стоящимъ выше классовыхъ интересовъ правительствомъ, на примѣръ правительствомъ

...самодержца всероссійскаго. Факты же показываютъ совсѣмъ обратное. Они говорятъ намъ, что менѣе развитыя страны не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а постепенно расчищаютъ себѣ путь на всемірный рынокъ и своею конкуренціей толкаютъ болѣе развитыя страны на путь соціальной революціи, которая будетъ совершена сознавшимъ свою классовую задачу пролетаріатомъ, опирающимся на свои собственные силы и захватившимъ политическую власть въ свои собственные руки».

Но если область обрабатывающей промышленности захватывалась капиталомъ все болѣе и болѣе и торжество его здѣсь становилось очевиднымъ даже для многихъ народниковъ, то какъ обстоитъ дѣло въ земледѣліи, гдѣ находятъ себѣ занятіе подавляющая часть населенія—не является ли община непреодолимымъ препятствіемъ для проникновенія сюда новыхъ, чуждыхъ ей началъ? На это марксисты отвѣчали отрицательно, ибо считали, что независимо отъ того, крупное или мелкое производство возьметъ верхъ въ области земледѣлія, дни общины во всякомъ случаѣ сочтены. Въ противовѣсъ указаніямъ на необыкновенную прочность русской общины, которая пережила и междоусобія удѣльнаго времени, и монгольское иго, и реформы Петра*), Плехановъ подчеркиваетъ, что эта прочность объясняется лишь недавнимъ развитіемъ въ Россіи денежнаго хозяйства. «До уничтоженія крѣпостного права почти все общество, а въ значительной степени и государственное хозяйство Россіи было хозяйствомъ натуральнымъ, въ высшей степени благоприятнымъ сохраненію поземельной общины. ...Въ основѣ московскаго деспотизма лежали именно тѣ вѣковые устои народной жизни, которыми восхищаются наши народники. Это одинаково ясно понимали и реакціонный бар. Гакстгаузенъ, и революціонный агитаторъ Бакунинъ. Будь Россія изолирована отъ экономическихъ и политическихъ вліяній Западно-европейской жизни,—трудно было бы и предвидѣть, когда исторія подко-

*) Б. Чичеринъ высказалъ въ 1856 г. взглядъ, что русская община вовсе не такого древняго происхожденія, какъ это обыкновенно думаютъ, и явилась результатомъ реорганизации податной системы Московскаго государства; въ настоящее время это мнѣніе можно считать пожалуй господствующимъ. См. напр. Туганъ-Барановскій—Основы политической экономіи. 1909 г. «Въ центральной Россіи уравнительно-передѣльная община сложилась; вѣроятно, не ранѣе конца 17 вѣка» (271 с.).

пасть наконецъ экономическій фундаментъ ея политическаго устройства. Но вліяніе международныхъ отношеній ускорило естественный, хотя и медленный, процессъ развитія денежнаго хозяйства и товарнаго производства. Реформа 19-го февраля была необходимо уступкой новому экономическому теченію и въ свою очередь придала ему новую силу. Община не сумѣла, да и не могла приспособиться къ новымъ условіямъ. Ея организмъ надломился, и только ослѣпленные люди не замѣчаютъ теперь признаковъ ея разложенія» (164 с.). Развитіе мѣновыхъ отношеній мало по малу распатало сельскую домашнюю промышленность, отдѣливъ ее отъ земледѣлія и тѣмъ лишивъ мелкое хозяйство одной изъ важнѣйшихъ опоръ его замкнутого существованія. Чтобы покрыть образовавшійся отсюда дефицитъ и занять освободившееся такимъ образомъ время, значительная часть сельскаго населенія должна была обратиться къ продажѣ своего труда. Съ другой стороны, тяжесть налоговъ, лежащихъ на землѣ, непрерывно увеличивается и при современныхъ историческихъ условіяхъ не можетъ не увеличиваться, и это обстоятельство въ связи съ ростомъ населенія дѣлаетъ неотложной интенсификацію земледѣлія, которая въ свою очередь требуетъ значительныхъ затратъ капитала и свободы въ выборѣ системъ полеводства. Не спасая деревню отъ пролетаріата, община вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняетъ процессъ приспособленія ея къ новымъ условіямъ жизни, и вытекающая отсюда задержка въ развитіи производительныхъ силъ является главной причиной нашей экономической и культурной отсталости и нищеты. Въ то время какъ народники въ разореніи деревни, неурожаяхъ, уменьшеніи потребленія массъ, тяжелыхъ кризисахъ и т. п. винили капитализмъ вообще, марксисты наоборотъ главное зло видѣли въ недостаточности его развитія, въ сохраненіи у насъ многихъ остатковъ натурально-хозяйственнаго строя — каковы напр. общинное землевладѣніе въ области экономической и абсолютизмъ—въ области политической. Выше мы уже видѣли, что съ конца семидесятыхъ годовъ въ народничествѣ появляется такъ сказать пессимистическое теченіе, представители котораго уже отчаиваются въ возможности для общины успѣшно противостоятъ разрушительному вліянію денежно-мѣновыхъ отношеній, при чемъ одни изъ нихъ (Николай—онъ) всѣ надежды—въ смыслѣ переустройства какъ земледѣлія, такъ и промышленности на социалистическихъ началахъ возлагали на правитель-

ство и образованную часть общества, другіе же (народовольцы) на захватъ власти революціонерами.

Марксисты относились одинаково отрицательно какъ къ тому, такъ и къ другому способу рѣшенія вопроса, считая, что переустройство общества на новыхъ началахъ можетъ осуществиться только самъ народъ, но не тотъ народъ вообще—какъ думали старые народники 60-хъ и 70-хъ годовъ, а именно городской и сельскій пролетаріатъ, подготовленный и воспитанный къ выполненію своей исторической миссиіи тяжелымъ процессомъ классовой борьбы, развертывающейся въ нѣдрахъ капиталистическаго строя. Нужно замѣтить однако, что, ведя энергичную борьбу противъ утопическихъ воззрѣній народничества, Плехановъ дѣлаетъ имъ кое-какія уступки, которыя плохо вяжутся съ реалистическимъ духомъ марксизма. Говоря напр. о неизбѣжности у насъ капитализма, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ своихъ противниковъ соображеніемъ, что это торжество будетъ непродолжительнымъ и что первый же политическій переворотъ послужитъ началомъ его конца.

«Современное положеніе буржуазныхъ обществъ и вліяніе международныхъ отношеній на социальное развитіе каждой цивилизованной страны даютъ право надѣяться, что социальное освобожденіе русскаго рабочаго класса послѣдуетъ очень скоро за паденіемъ абсолютизма. Если нѣмецкая буржуазія «пришла слишкомъ поздно», то русская запоздала еще болѣе, и господство ея не можетъ быть продолжительнымъ» *).—«Нашъ капитализмъ отцвѣтетъ, не успѣвши *окончательно* расцвѣсть, за это ручается намъ могучее вліяніе международныхъ отношеній», и тогда подъ вліяніемъ рабочей партіи «сохранившіяся сельскія общины дѣйствительно начнутъ переходить въ высшую коммунистическую форму. Тогда выгоды, представляемая общиннымъ землевладѣніемъ, станутъ дѣйствительными, а не только возможными, и народническія мечты о самобытномъ развитіи нашего крестьянства осуществляются по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторой его части. Такимъ образомъ силы, освобождающіяся при разложеніи общины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, могутъ предохранить ее отъ полнаго разложенія въ другихъ мѣстностяхъ»... **).

*) Соціализмъ и политическая борьба. 73 стр.

***) Наши разногласія. 286 и 300 стр.

Едва ли нужно доказывать въ настоящее время, какъ далеко оказалось у насъ паденіе абсолютизма отъ начала полнаго соціального освобожденія рабочаго класса. Въмѣстѣ съ тѣмъ и шансы общины на переходъ въ высшую коммунистическую форму, хотя бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, отъ этого нисколько не поднялись, совершенно даже наоборотъ—то, передъ чѣмъ въ нерѣшительности отступало самодержавное правительство, стало одной изъ первыхъ задачъ «конституціоннаго» кабинета П. А. Столыпина: указъ 9 ноября 1906 г.—нынѣ законъ 14 іюня 1910 г.—провозгласилъ государственной необходимостью форсированное разрушеніе общиннаго землевладѣнія и образованіе на его развалинахъ частной собственности. Если съ народнической точки зрѣнія, рассчитывавшей на законодательное закрѣпленіе общины, такой способъ ликвидаціи вопроса, въ теченіе многихъ десятилѣтій раскалывавшаго нашу интеллигенцію на два противоположныхъ лагеря, представляется совершенно неожиданнымъ, *) то для марксистскаго направленія онъ долженъ былъ представляться предопредѣленнымъ уже давно.

Подводя итогъ взглядамъ группы «Освобожденія труда» на характеръ экономической эволюціи Россіи, мы можемъ выразить его слѣдующими словами Плеханова: «Всѣ наиболѣе новыя, а потому и наиболѣе вліятельныя теченія нашей общественной жизни, всѣ наиболѣе знаменательные факты въ области производства и обмѣна—имѣютъ одинъ несомнѣнный и безспорный смыслъ; они не только расчищаютъ дорогу капитализму, но и сами являются необходимыми и въ высшей степени важными моментами его развитія. *За капитализмъ* вся динамика нашей общественной жизни, всѣ тѣ силы, которыя развиваются при движеніи соціального механизма и въ свою очередь опредѣляютъ направленіе и скорость его движенія. *Противъ капитализма* лишь болѣе или менѣе сомнительные интересы нѣкоторой части крестьянства, да та сила инерціи, которая по временамъ такъ больно даетъ себя чувствовать развитымъ людямъ всякой отсталой, земледѣльческой страны. Но крестьяне не до-

*) Какъ говорить въ своемъ письмѣ въ редакцію *Современника* (№ 1 за 1911 г.) М. Антоновичъ, «прежній національный устой, при существованіи котораго мечталось о возможности для Россіи, минуя капиталистическую фазу экономического развитія, прямо шагнуть въ научный социализмъ... теперь убить однимъ махомъ»:

статочны силы, чтобы защищать свои действительные интересы; съ другой стороны, они часто не достаточно заинтересованы, чтобы энергично отстаивать старые принципы своего общества. Главный потокъ русскаго капитализма пока еще не великъ; еще не много такихъ мѣсть въ Россіи, гдѣ отношенія нанимателя къ работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представленію объ отношеніяхъ труда къ капиталу въ капиталистическомъ обществѣ; но въ этотъ потокъ со всѣхъ сторонъ направляется такое множество мелкихъ и крупныхъ ручейковъ, ручьевъ и рѣчекъ, что общая масса направляющей къ нему воды огромна, и быстрый сильный рѣкъ потока не подлежитъ сомнѣнію. Его уже нельзя остановить, еще менѣе его можно высушить; остается лишь регулировать его теченіе, если мы не хотимъ, чтобы онъ принесъ намъ одинъ только вредъ, если мы не отказываемся отъ надежды хотя отчасти подчинить стихійную силу природы разумной дѣятельности человѣка» (I. с. 203 стр.).

Каковъ же долженъ быть характеръ дѣятельности демократической интеллигенціи, которая усвоила бы себѣ вышеуказанные взгляды и пожелала заняться урегулированіемъ капиталистическаго истока экономической жизни въ интересахъ народа? На этотъ вопросъ долженъ былъ дать отвѣтъ проектъ программы «русскихъ социаль-демократовъ», напечатанный въ окончательномъ видѣ группою Освобожденія труда въ 1885 г.

Русскіе социаль-демократы, подобно социаль-демократамъ другихъ странъ,—говорится въ немъ,—стремятся къ полному освобожденію труда отъ гнета капитала. Такое освобожденіе можетъ быть достигнуто путемъ перехода въ общественную собственность всѣхъ средствъ и предметовъ производства, который повлечетъ за собою: а) устраненіе современнаго товарнаго производства и б) замѣну его новой системой общественнаго производства по заранѣ составленному плану въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго изъ его членовъ, въ предѣлахъ, допускаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данное время. Отмѣчая далѣе международный характеръ движенія и необходимость захвата рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соответствующихъ странъ, проектъ подчеркиваетъ, что практическія задачи, а слѣдательно и программы социалдемократовъ должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ка-

питалистическое производство, какъ напр. въ Россіи, только стремится еще стать господствующимъ и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ такихъ странахъ, социаль-демократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безразличіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ и умственнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система. Возвышая голосъ во имя народа, они съ удивленіемъ видятъ, что онъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ... Такое положеніе дѣлъ было бы вполнѣ безнадежнымъ, если бы развитіе капитализма не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспріимчивый, подвижной и развитой, онъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе. Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса онъ можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованнаго человѣчества. На этомъ основаніи русскіе социаль-демократы считаютъ первой и главнѣйшей своей обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи. Ростъ и развитіе такой партіи встрѣтитъ однако въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ очень сильное препятствіе. Поэтому борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь зачатки будущей рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой задачей, и главнымъ средствомъ политической борьбы противъ абсолютизма русскіе социалдемократы считаютъ агитацію въ средѣ рабочаго класса и дальнѣйшее распространеніе въ ней социалистическихъ идей и революціонныхъ организацій.

Тѣсно связанныя между собой въ одно стройное цѣлое. организаціи эти, не довольствуясь частными столкновениями съ правительствомъ, не замедляютъ перейти въ удобный моментъ къ общему на него нападенію, при чемъ не останавливаются и передъ такъ называемыми террористическими дѣйствіями, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы.

Цѣлью борьбы рабочей партіи съ абсолютизмомъ является завоеваніе демократической конституціи на основѣ всеобщаго избирательнаго права какъ при выборахъ въ законодательное собраніе, такъ и въ провинціальныя и общинныя органы самоуправления. Далѣе слѣдуютъ: всеобщее свѣтское даровое и обязательное образованіе, неприкосновенность личности и жилищъ, свобода совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій, свобода передвиженій и занятій, полная равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племеннаго происхожденія, замѣна постоянного войска всеобщимъ вооруженіемъ народа и пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, въ цѣляхъ отмѣны сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несомвѣстимыхъ съ достоинствомъ человѣка.

Опираясь на эти основныя политическія требованія, рабочая партія выдвигаетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ напр.: 1) Радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленіе ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ и т. п. 2) Устраненіе современной податной системы и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога. 3) Законодательное урегулированіе отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организація соотвѣтствующей инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ. 4) Государственная помощь производительныхъ ассоціаціямъ, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требованія—говорится въ заключеніи—настолько же благопріятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добываясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный ихъ деревни

въ качествѣ обѣдѣншаго члена общины. пролетаріи вернется въ нее социаль-демократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такой силой явится рабочая партія и увлеченная ею обѣдѣнная часть крестьянства.

Всматриваясь внимательно въ этотъ проектъ, мы видимъ, что онъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе программы, выработанной Сѣвернымъ Союзомъ русскихъ рабочихъ. Раздѣленіе программы на двѣ части—одну, устанавливающую конечную цѣль движенія, и другую, въ которой намѣчаются требованія, могущія быть реализованными въ рамкахъ капиталистическаго строя и служащія подготовленіемъ для осуществленія этой конечной цѣли—введенное впервые Союзомъ, проведено и здѣсь, но уже съ гораздо большей логической законченностью. Въмѣсто запутанныхъ и внутренне противорѣчивыхъ построеній, въ которыхъ требованія, составляющія въ своей совокупности то, что называется политической свободой, уживались съ абсолютизмомъ, мы находимъ теперь вполне опредѣленную и точную формулировку ближайшихъ задачъ рабочей партіи: испроверженіе абсолютизма и завоеваніе демократической конституціи. Ватѣмъ мы не встрѣчаемъ уже болѣе пункта о свободной федераціи общинъ, который сохранился въ программѣ Сѣвернаго Союза какъ остатокъ вліянія Бакунинскаго анархизма, но зато такой анти-марксистскій пунктъ, какъ требованіе государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ, т. е. артелямъ, образуемыхъ крестьянами и рабочими, остался попрежнему. Нельзя не видѣть здѣсь нѣкоторой уступки народническимъ взглядамъ со стороны группы Освобожденія Труда, точно такъ же какъ признаніе ею террористической борьбы было уступкой народолюбческой тактикѣ. Впрочемъ признаніе это было чисто платоническаго характера, ибо изъ числа средствъ обычной, повседневной борьбы терроръ исключался и группой Освобожденія Труда; въ самой же Россіи социалдемократы заняли по отношенію къ нему съ самаго начала совершенно опредѣленную отрицательную позицію *). При наличности мас-

*) М. Лядовъ—Исторія російск. соц. демокр. рабочей партіи. Ч. 1-ая, 1906 г. 95—96 стр.

соваго движенія—говорили они—терроръ излишенъ, при отсутствіи же его онъ бесполезенъ или даже прямо вреденъ; бесполезенъ—потому, что путемъ террористическихъ актовъ совершенно расшатать правительственный механизмъ нельзя и на мѣсто одного лица явится другое, и вреденъ—тѣмъ, что лучшія силы и средства партіи такимъ образомъ отвлекаются отъ организациіи и пронагандистской работы. Интересно отмѣтить, что и Лавровъ, состоявшій однимъ изъ редакторовъ *Вѣстника Народной Воли*, относился несочувственно къ нему. «Дозволительны ли формы террора?—спрашиваетъ онъ въ «Письмѣ товарищамъ въ Россіи» (1888 г.) и отвѣчаетъ отрицательно. «Мнѣ приходилось слишкомъ часто въ 1880 и 1881 годахъ, когда вся молодая эмиграція была на сторонѣ этихъ пріемовъ, публично предупреждать слушателей объ ихъ опасностяхъ, чтобы меня даже добросовѣстные противники сочли террористомъ. Я указывалъ тогда на возможное возмущеніе общества противъ террористовъ, но въ этомъ отношеніи мои опасенія были излишни: правительство воспитало въ русскомъ обществѣ слишкомъ много неуваженія къ законнымъ мѣрамъ и жизни личности, чтобы это возмущеніе могло развиваться, а русскіе террористы были болѣе осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ можно было ожидать. Я указывалъ на опасность истощенія силъ партіи въ продолжительной террористической борьбѣ съ болѣе многочисленнымъ противникомъ, и мои опасенія къ сожалѣнію оправдались. Я указывалъ еще на одну опасность: на возможность появленія въ ряду довѣренныхъ лицъ и даже руководителей людей, которые не только не оправдаютъ довѣрія, но вполне обмануть его. Примѣры Гольденберга и Дегаева были уже печальнымъ подтвержденіемъ моего опасенія; къ нашему общему горю, пришлось мнѣ увидѣть еще новый, болѣе тяжелый примѣръ (рассказаніе Тихомірова). Терроръ есть оружіе крайне опасное и остается крайне опаснымъ въ Россіи; тяжелую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые къ нему прибѣгаютъ; но не эмигрантамъ, давно уже оставившимъ отечество, можно произнести приговоръ о его цѣлесообразности въ томъ или другомъ случаѣ. Комитетъ Народной Воли взялъ на себя эту отвѣтственность и былъ поддержанъ долго общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи, привлекая къ себѣ значительное число живыхъ силъ ея. Ошибался онъ или нѣтъ,—я судить не рѣшаюсь, такъ какъ окончательная неудача не есть доказательство ошибки въ теоріи». Въ

виду этого, сдержанно-отрицательнаго отношенія Лаврова къ террору, принципиальная защита его была возложена на другого редактора, не задолго передъ тѣмъ прибывшаго изъ Россіи—Л. Тихомірова, который и выполнялъ эту задачу съ большимъ жаромъ. По странной ироніи судьбы однако, вскорѣ послѣ прекращенія журнала, Тихоміровъ также пришелъ къ заключенію объ ошибочности своего взгляда на этотъ предметъ.

Съ точки зрѣнія политической выгоды—писалъ онъ въ предисловіи ко второму изданію своей книги „La Russie politique et Sociale“, помѣченномъ 20 февр. 1888 г., т. е. приблизительно за полгода до своего ренегатства, «я нахожу террористическій принципъ совершенно ложнымъ. Одно изъ двухъ: или имѣется достаточно силъ для измѣненія режима, путемъ ниспроверженія правительства, которое противится этой перемѣнѣ,—или ихъ нѣтъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ никакой нужды въ политическихъ убійствахъ; во второмъ—эти убійства не приведутъ ни къ чему. ...Безполезный или бессильный, терроризмъ не есть система политической борьбы» (Цит. по книгѣ Шебеко—Хроника соц. движ.).

Несмотря на осторожную и примирительную политику группы Освобожденія Труда (самое названіе ея было избрано для того, чтобы не слишкомъ раздражать народниковъ, въ которыхъ она видѣла возможныхъ товарищей) *), новое направленіе встрѣтило со стороны народничества крайне враждебное отношеніе. Хотя имя Маркса было очень популярно среди русской радикальной интеллигенціи, но приложеніе его идей въ указанномъ видѣ къ русской дѣйствительности въ теченіе долгаго времени казалось ей еретическимъ. Нужно было время, для того чтобы рѣзче могли обнаружиться тѣ экономическія и общественно-политическія измѣненія и тенденціи, на которыя указывало и отъ которыхъ исходило новое направленіе, и потому только по прошествіи полтора десятка лѣтъ, т. е. уже во второй половинѣ 90-хъ годовъ, было дано имъ рѣшительное сраженіе «русскому социализму», гдѣ послѣдній и былъ разбитъ...

*) Первоначально предполагалось назвать ее просто группой русскихъ социаль-демократовъ, но—по словамъ Плеханова—«это уже слишкомъ рѣзало бы ухо нашихъ возможныхъ товарищей, въ теченіе долгихъ лѣтъ привыкшихъ къ анархической хульѣ на международную социаль-демократію».

Литература: Г. Плехановъ—Соціализмъ и политическая борьба. 1883 г.; его же—Наши разногласія. 1884 г.; его же—О задачахъ русскихъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ. 1891 г.; его же—Проектъ программы російск. социал.-дем. партіи. См. *Заря* № 4 за 1902 г.; его же—На два фронта. 1905 г. Н. Батуринъ—Очеркъ исторіи социалдемократіи въ Россіи. 1906 г. Левъ Дейчъ—Одинъ изъ нашихъ первыхъ марксистовъ. *Вѣстникъ Европы* № 12 за 1911 г. А. Ельницкій—Г. В. Плехановъ. *Образованіе* № 1 за 1906 г. В. Засуличъ—Сборникъ статей. Т. 2 1906 г. Д. Кольцовъ—Конецъ „Народной Воли“ и начало социалдемократіи. См. приложение 1 къ исторіи рев. движ. въ Россіи А. Туна. М. Лядовъ—Исторіи російской социалдемократической рабочей партіи. Ч. 1, 1906 г. Л. Мартовъ—Пролетарская борьба въ Россіи. 1906 г. А. Мартыновъ—Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма. См. *Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка*. 1910 г. т. II. Ч. вторая. А. Потресовъ—Этюды о русской интеллигенціи. 1906 г. Н. Рязановъ—Группа „Освобожденіе труда“. 1906.; его же—Двѣ правды. Народничество и марксизмъ. 1906 г.; его же—Къ критикѣ программы російской социалдемократіи. 1906 г.; его же—Карлъ Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ. *Современный Миръ* №№ 8 и 9 за 1912 г.

